

Его называют человеком-фейерверком, человеком-оркестром. Андрей Анкудинов и впрямь выламывается из всевозможных ранжиров и привычных амплуа. Он и актер, и композитор, и шансонье, и клоун, и поэт, и телеведущий, и блестящий исполнитель балльных танцев, и король чечетки, и просто коммандейский парень, без искрометных выступлений которого невозможно представить многие фестивальные «тусовки».

— А сам-то ты мастером какого жанра себя считаешь? Что является твоей «коронкой»? — первым делом спросил я у Андрея, когда с бутылочкой легкого красного вина мы присели с ним поболтать после его концерта на «Кинотавре», который проходил, как всегда, на ура.

— Моя «коронка» — сцена, ибо я в первую очередь драматический артист. А драматический артист, по моему глубокому убеждению, должен уметь на сцене делать все: петь, плясать, если надо, стоять на голове или на ушах... Я, например, не умею висеть на зубах под куполом цирка, но нет вещей, которым невозможно научиться. И если надо будет по роли сделать кульбит или войти в клетку к тигру — я научусь делать кульбиты и запросто буду общаться с тиграми.

Мое любимое состояние — это стихия импровизации, когда поведение на сцене, пластика, способ общения со зрителем рождаются непреднамеренно, сию секунду. Вот тогда меня «несет» — независимо от того, исполняю ли я роль в драматическом спектакле или пою лирическую песню на эстраде, или танцую танго на фестивале ПРОКе, или рассказываю анекдоты в «теплой» компании друзей...

— И все же, где истоки таких разнообразных талантов и умений?

— Истоки, как водится, в детстве. Матушка моя виновата — и, подзреваю, сильно виновата — в том, что я родился и вырос таким, а не другим. Мама была одним из руководителей на кафедре физики Омского политеха, но при этом еще верховодила в команде КВН, всю жизнь была рискованной, авантюристом человеком. В 42 года она, например, забыла про свою докторскую диссертацию и поступила на режиссерский факультет ЛГИТМИКа, чтобы начать жизнь сначала. У меня — мамин характер: я после окончания школы (а было мне в ту пору пятнадцать лет) тоже забыл физику-математику, в которых был изрядный док, и вместо запланированного Бауманского училища поступил в ГИТИС. Меня с детства буквально преследовало агрессивное желание нравиться, быть в центре внимания. Куда я с этим неистребимым желанием, кроме актерства, мог податься?

— Постой-постой, как это ты закончил школу в пятнадцать лет? Ты что у нас из вундеркиндов?

— Да нет, я нормальный, просто родители писали свои диссертации (отец у меня тоже физик), вот и отправили меня в школу в пять лет, чтобы развязать себе руки для работы. А вундеркинд из меня не получился: не хватало усидчивости. Например, четыре года я учился игре на фортепиано, не выдержал, бросил. Потом три года мучил скрипку — тоже бросил. Несколько лет занимался балльными танцами, потом осваивал чечетку, в ГИТИСе приохотился играть на гитаре...

— Ну и куда тебя, такого «многогостаночника», распределили после окончания ГИТИСа?

— А куда, потому что я никак не мог сдать научный коммунизм и

про то, про что он рассказывал бы в своих ролях, если бы они шли косяком. Но в кино сейчас ситуация — сам знаешь, какая, театры тоже переживают не лучшие времена, что же мне — троллейбус водить? Верю, что мои роли еще меня найдут, но к удаче надо быть гото-

— Господи, а второй-то раз что произошло?

— А это было уже много лет спустя. Мы тогда на целый год расстались с моей нынешней женой Наташей. Сказать, что я сильно переживал, — значит ничего не сказать. Помню, я выступал с концертом и

малые деньги в компании друзей. Ты что, столь же легко их зарабатываешь?

— Да, представь, легко: я их зарабатываю трудом, который, как я тебе уже говорил, мне безумно нравится. Если бы я грузил цемент, то был бы, наверное, менее расточи-

«Я ЗНАЮ, ЧТО ЗНАЧИТ УМЕРЕТЬ ОТ ЛЮБВИ»,

— ГОВОРIT АКТЕР АНКУДИНОВ, КОТОРЫЙ В СВОИ ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА УЖЕ ДВАЖДЫ ПОБЫВАЛ ЗА ЧЕРТОЙ ЖИЗНИ. НО ОПТИМИЗМА И ЖИЗНЕЛЮБИЯ НЕ УТРАТИЛ...

вым, а то, бывает, она, как птичка, прилетит к человеку, посидит у него минутку на плече — и опять улетит. А я работаю на эстраде честно, выкладываюсь на каждом концерте до самого доньшка, словом, поддерживаю себя в хорошей творческой форме. Меня удача в театре или кино, если она случится, врасслох не застанет.

— Мне часто приходилось видеть тебя на фестивалях, когда ты «заводишь» публику в полночь, а то и ближе к утру. Скажи, сегодня, когда ты уже «не мальчик, но муж», желание нравиться людям, публике — это по-прежнему твое естественное состояние или, извини, уже некая повинность, когда приходится соответствовать сложившемуся имиджу этакого весельчака, своего в доску парня?

— Да, люблю я это дело, люблю. Иногда, сходя с эстрады после четырехчасового выступления, потрясенно думаю: «Боже, мне за этот кайф еще и деньги платят!» Поверь, когда на концерте в Одессе билетерша сообщила мне, что в зале от хохота у одного человека от смеха носом кровь пошла, — это был самый счастливый миг моей жизни.

— А я-то, наивный, думал, что самые счастливые мгновения нашей жизни связаны с женщинами, любовью...

— Ну это само собой. Я из-за женщин, если тебе интересно, два раза с жизнью успел распрощаться.

— Надеюсь, в фигуральном смысле?

— В самом что ни на есть прямом. В школе я очень симпатизировал одной девочке, а ее оскорбил мой соперник. И я его вызвал на дуэль. Шпаг или пистолетов у нас, как ты понимаешь, не было, дуэль заключалась в том, что мы наперегонки спускались с огромной, в трехэтажный дом, горки, стоя на ногах во весь рост. Ну я не рассчитал скорость, упал, и меня вынесло головой на кучу кирпичей. Голову донести домой я еще успел, но клиническая смерть меня-таки догнала. Чуть больше трех минут я находился «там», а потом была сложная операция, реанимация, медленное и долгое возвращение в жизнь. Вот так закончилась моя первая влюбленность.

все песни мысленно посвящал ей. В какой-то момент, рассказывали мне потом ребята, я стал белее своего белого смокинга и словно отделился от сцены. На мое счастье, в зале сидела ясновидящая, моя добрая знакомая Галина Ивановна, которая пришла послушать мои песни. Она моментально все поняла и вызвала «скорую». Когда я, доведя концерт до конца, упал за кулисами с остановившимся сердцем, врачи уже приехали. И меня успели откачать.

— А еще говорят, что от любви не умирают... Я столько раз видел вас с Наташей веселыми, счастливыми, что не мог предположить, будто вы можете ссориться, расходиться...

— И тем не менее это было. Рождение нашей любви совпало с подготовкой программы «Шансон белых ночей». Она была директором этой программы, а потом у меня закрутились гастроли, съемки, фестивали, я уже вышел на свою орбиту, и Наташа решила искать себя в самостоятельном, серьезном «мужском» бизнесе. Мы остались друзьями, перезванивались, пока однажды не встретились в пустом вагоне поезда. А дело было в старый новый год, и у меня были написаны песни «Старый новый год» и «Поезд для двоих», которые я сочинил уже в разлуке и посвятил, разумеется, Наташе. И я понял, что наша встреча в старый новый год в пустом поезде — это посланный нам свыше знак судьбы. И она это поняла. Так мы вернулись друг к другу. И очень дорожим нашим трудно обретенным счастьем. Хотя видимся, надо признаться, очень редко. Наташа как-то подсчитала: мы бываем вместе от силы шестьдесят дней в году, шестьдесят солнечных дней. Все остальное время я провожу в разъездах.

— Известно: все комики в быту — страшные зануды. Чаплин, например, был просто невыносимым семейным тираном. Сознаться, ты тоже мучишь Наташу несносным характером?

— Да нет, она не жалуется. Хотя дома я не острою все время, не рассказываю без конца анекдоты. Когда приезжаю с гастролей, могу быть немногословным, телефон стараюсь отключить на три дня. Очень люблю с Наташей поговорить по душам, но люблю вместе с ней и просто помолчать. Могу, конечно, и вспылить. Пылю я больше перед отъездом из дома, когда за час до отправления поезда начинаю собирать чемодан. Наташа, надо отдать ей должное, переносит мои приступы гнева удивительно спокойно. И я уезжаю умиротворенный.

— Я был с тобой однажды в круизе и видел, как ты легко, чуть ли не играючи, траишь не-

тельным. Хотя я, разумеется, не безнадежный мот. Во мне есть четвертинка немецкой крови (один из моих предков в 1933 году бежал из нацистской Германии в Советский Союз), так вот она подсказывает, что из каждых ста рублей двадцать пять надо «заначить» для дома, для семьи. А остальные можно весело пропить с друзьями.

— А про то, что деньги надо пропить с друзьями, какая кровь подсказывает?

— Русская. Моя подруга, замечательная певица Оля Кормухина живет в Нижнем Новгороде на Анкудиновском шоссе. Козьма Минич Анкудинов, да будет тебе известно, вместе с князем Пожарским Россию спасал. А на Бородинском мосту в числе героев Отечественной войны выбито имя другого предка — Гаврилы Анкудинова.

— За такую родословную не грех и выпить. Скажи, какие напитки предпочитаешь? И сколько можешь принять «на грудь» за один присест?

— Люблю виноградное вино, хотя чаще приходится пить водку. Меня к вину дед приохотил, когда мне было, представь, всего 9 лет. Тоже колоритный мужик был, надо тебе сказать. Участвовал в гражданской войне, в 14 лет стал начальником эскадрона партизанской разведки, в 1937 сбежал от НКВД на Дальний Восток, потом работал в Молдавском ЦК вместе с Брежневым, Черненко, а остаток жизни провел в деревне. Когда я родился, дед закопал в землю бочку вина, а когда мне исполнилось 18 лет, он эту бочку откопал и напоил всю деревню. Дед меня учил: пить можно сколько угодно, главное — не пьянеть. Я стараюсь следовать этому правилу, хотя, конечно, пару раз не удавалось рассчитать силы. Но что же делать: такая профессия — приходится работать не только головой, но и печенью. Печень в отличие от головы пока у меня цела.

— Что ж, прекрасный финал разговора. Разве что напоследок попрошу тебя рассказать один из анекдотов, которых ты знаешь великое множество.

— Жаль, но огромное количество анекдотов нельзя рассказывать со сцены или со страниц газеты, а я в основном такие знаю. Вот, впрочем, вполне приличный анекдот... Весна. Голубое небо. Желтое солнце. Зеленая трава. Ослепительно белый подоконник. Чисто вымытое окно, открытое навстречу весне, солнцу, траве. В ярко-коричневых горшочках стоят два цветка. И белый цветок говорит красному: «Я люблю тебя». И красный говорит: «Я люблю тебя». И после паузы добавляет: «Блин, ну где же пчелы?»

Вел беседу Леонид ПАВЛЮЧИК.

Данная цитата из статьи

5.04.96.